

Серия «История»
2022. Т. 40. С. 14–21
Онлайн-доступ к журналу:
<http://izvestiahist.isu.ru/ru>

ИЗВЕСТИЯ
Иркутского
государственного
университета

Научная статья

УДК 94(571)“18”
<https://doi.org/10.26516/2222-9124.2022.40.14>

Образ М. М. Сперанского в сибирской мемуаристике

Н. П. Матханова*

Институт истории СО РАН, г. Новосибирск, Россия

Аннотация. Рассматривается образ М. М. Сперанского как сибирского генерал-губернатора, представленный в воспоминаниях современников. Среди них были панегиристы (П. Т. Баснин, И. Т. Калашников), критики (П. П. Герасимов, П. О. Катышевцев и др.), люди, пытавшиеся сохранить объективность (Э. И. Стогов). Все они были лично знакомы и общались со Сперанским. В мемуарах характеризуются его внешний облик, привычки, отношения с местным обществом, оценивается значение «Сибирского учреждения». Конструируемый мемуаристами образ государственного деятеля отражает представления об идеальном главе региона: он должен быть строгим и милостивым, обладать незаурядным умом, волей, быть администратором, «хозяином», знать Сибирь и заботиться о ее населении.

Ключевые слова: М. М. Сперанский, история Сибири XIX в., управление, мемуары, образ государственного деятеля.

Для цитирования: Матханова Н. П. Образ М. М. Сперанского в сибирской мемуаристике // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2022. Т. 40. С. 14–21. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2022.40.14>

Original article

The Image of M. M. Speransky in Siberian Memoirs

N. P. Matkhanova*

Institute of History SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract. The article studies the image of Mikhail M. Speransky as a Siberian governor-general presented in the memoirs of his contemporaries. Among them are people who praised him (P. T. Basnin, I. T. Kalashnikov), people who criticized him (P. P. Gerasimov, P. O. Katyshevcev), people who tried to maintain objectivity (E. I. Stogov). All these people knew and communicated with Mikhail M. Speransky personally. Examined memoirs characterize his appearance, habits, relations with the local society, evaluate the significance of the “Siberian institution”. Created by memoirists representation of a statesman reflects ideas about the ideal head of the region: he must be strict and merciful, have an extraordinary intellect and will, be an “economic” administrator, know Siberia and take care of Siberian population.

Keywords: M. M. Speranskiy, Siberian History 19th, government, memoires, image of a statesman.

For citation: Matkhanova N.P. The Image of M. M. Speransky in Siberian Memoirs. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2022, vol. 40, pp. 14-21. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2022.40.14> (in Russian)

© Матханова Н. П., 2022

*Полные сведения об авторе см. на последней странице статьи.
For complete information about the author, see the last page of the article.

Введение

О выдающемся государственном деятеле, преобразователе и законодателе М. М. Сперанском написано множество книг и статей, существенная часть которых посвящена краткому периоду его пребывания в Сибири и важности его деятельности для региона. Их профессиональный обзор уже приведен Л. М. Дамешком [7]. В ряде работ имеется глубокий и подробный анализ деятельности Сперанского в Сибири, сути сибирской реформы и ее значения [2; 6; 8]. Исследователи отмечают, что Сперанский не раз фигурировал в воспоминаниях современников. В последние годы историки изучают «образы власти, страны, региона, социальной группы, личности» [12], наполняют их смысловыми характеристиками, но образ Сперанского не становился еще предметом рассмотрения. Н. Н. Родигина более 10 лет тому назад констатировала: «Категория “образ” из исследовательского лексикона филологов и психологов начала победное шествие по освоению новых предметных полей гуманитаристики» [9, с. 41]. По ее мнению, образ – это «интеллектуальный конструкт, продукт коллективного воображения, который сознательно или самопроизвольно конструировался» [10, с. 8].

В настоящей статье рассматривается образ Сперанского как сибирского генерал-губернатора в том виде, как он конструировался современниками. Основными источниками явились воспоминания П. Т. Баснина [1], И. Т. Калашникова [5] и Э. И. Стогова [11], устные рассказы сибиряков (преимущественно купцов, мещан и мелких чиновников), записанные В. И. Вагиным [4]. Наиболее подробно и восторженно образ Сперанского обрисован в отредактированных и опубликованных внуком воспоминаниях известного купца П. Т. Баснина. Писатель-мемуарист И. Т. Калашников дает герою обобщающую хвалебную характеристику: «Человек великий по всеобъемлющему своему гению, по бессмертным заслугам отечеству, по глубокому просвещению, наконец, по самым несчастьям своим» [5, с. 319]. Э. И. Стогов не был сибиряком, во время встречи со Сперанским он был моряком, позже стал жандармским офицером и чиновником. Изучивший обе редакции его воспоминаний¹ и переписку с М. И. Семевским В. А. Черных заметил, что мемуарист «был усердным читателем» журнала и «исторических разысканий его редактора [13, с. 333]. Интереснейшим источником являются устные рассказы сибиряков, записанные В. И. Вагиным в 1869 г. в ходе работы над известной его книгой. Многие из них использованы И. Л. Дамешек для характеристики отношения сибиряков к Сперанскому [3, с. 169–173]. Эти тексты созданы по инициативе Вагина и в соответствии с его вопросами. По ответам респондентов можно в общем виде реконструировать ставившиеся перед ними вопросы. Не случайно практически все описывают внешность Сперанского, его отношения с местным обществом (т. е. преимущественно купечеством), многие повествуют о результатах его деятельности, оценивают «Сибирское учреждение», некоторые – и влияние его на регион.

¹ Они печатались в 1878–1879 и в 1903 гг. в «Русской старине», последняя редакция была переиздана в 2003 г.

Основные характеристики образа Сперанского в мемуарах современников

Не только информанты Вагина, но и другие мемуаристы обычно указывают на свое личное знакомство со Сперанским, на его помощь и сочувствие. Баснин повествует о «задушевных беседах» с запросто заходившим к нему на чай генерал-губернатором. Калашников, родственники которого были среди «гонимых» при прежней власти, отмечает его приветливость, ласку, доброту [5, с. 324]. Купец А. А. Литвинцев вспоминает о ласковом приеме и благоприятном решении Сперанским касавшегося Литвинцевых дела [4, с. 576].

Почти все описывают внешность Сперанского. Большинство делает это кратко и обобщенно: «Прекрасная, величественная и вместе кроткая наружность Сперанского сама по себе уже проливая во все сердца надежду и доверенность» [5, с. 320]; «Личность его производила самое благодатное впечатление: светло-голубые глаза, симпатичное ангельское выражение лица; обращение доброе, кроткое... Он был из поповичей – но в нем этого вовсе не было заметно, до такой степени изящны, утонченны были его манеры» [4, с. 569 (рассказ Н. П. Булатова)]; «На вид такой добренький, смиреннький старичок», очень просто одетый («длинный байковый сюртук, бланжевые нанковые панталоны... калоши суконные плетеные... вроде лаптей» [4, с. 579 (рассказ В. В. Курбатова)]. Замечательно описание внешности Сперанского Стоговым. «Портретов Сперанского очень много и все похожи, только я не видал ни одного портрета с глазами Сперанского: есть предметы, недоступные для живописи... Глаза Сперанского я ни разу не видел изменяющимися – всегда, постоянно тихи, спокойны, ласковы... они не прищурены, но и не открыты, не вызывающие и не уклоняющиеся – ум, душа и сердце поместились в этих глазах... Сперанский был выше среднего роста, сухощав, правильно сложен. Оригинальный, голый, большой череп – очень к нему шел. Правильные черты всегда покойного, доброго лица были привлекательны, голос тихий... будто под сурдинкой, говорил медленно и, казалось, всегда откровенно. Говорил мало, будто по необходимости; смеха не слышал, а улыбка – весьма часто, всегда скромная, очень приятная» [11, с. 79–80]. При этом даже в мороз в 20–25 градусов на нем были «холодная поношенная шинель, на голой голове сафьяновый черный картуз, вверху четырехугольный – настоящая конфедератка. Картуз на шелковой подкладке – и ему не холодно! Ходил тихо, размеренно – как говорил. Прогулка – недалеко от дома и на небольшом пространстве». Мундир надевал только на парадные обеды, а орденов не носил вообще [Там же, с. 80].

Одна из часто повторяющихся характеристик, важная для авторов, – доброжелательное отношение начальника к местному, по большей части купеческому, обществу, сближение с ним, связанные с этим перемены в досуговой сфере. П. Т. Баснин выразительно и красочно описывает прием у Сперанского, во время которого он был внимателен и обходителен, приводит примеры помощи беднякам, согласия быть крестным у их детей, щедрой милостыни [1, с. 163], рассказывает о попытке уничтожить публичные телесные наказания («торговую казнь») [Там же, с. 164], именует «великим человеком»

народолюбцем» [1, с. 169], заступником [Там же, с. 170]. В идеальный для купечества образ вписывается и такое замечание: «Сперанский очень заботился о поддержке кяхтинской торговли и выхлопывал льготы» [Там же, с. 165]. П. Т. Баснин особо указывал, что генерал-губернатор поддерживал его коммерческие начинания и направлял их – так, рекомендовал развивать торговую деятельность в Якутском крае, «который служил предметом забот Сперанского, справедливо видевшего в этой части Сибири скрытый запас богатств». Глава региона приглашал иркутских и кяхтинских купцов «к деятельности в этом крае», обещая свою поддержку» [Там же, с. 167]. И Стогов, и Д. О. Портнов тоже замечали, что Сперанский довольно часто принимал приглашения на обеды и балы от купцов [11, с. 81; 4, с. 566 (рассказ Д. О. Портнова)].

Изменения в досуговой сфере подчеркивают многие: «Иркутские балы совершенно изменили свой полуазиатский характер... Для большего соединения общества было положено в 1819 году основание Иркутскому благородному собранию» [5, с. 283]; «При нем были блистательные балы, маскарады – в бирже над большим гостиным [двором]. Все его чиновники принимали участие» [4, с. 566 (рассказ Д. О. Портнова)].

Излюбленный сюжет мемуаристов – наказание виновных чиновников и в то же время гуманное по возможности к ним отношение. Баснин приводил конкретные примеры «борьбы с вредоносными элементами» и заключал: «Этот кроткий и высокогуманный человек превращался в сурового, грозного, неумолимого начальника края, когда он говорил с казнокрадом, угнетателем и вообще с людьми, замаранными и обличенными в нарушении закона и правды» [1, с. 157]. Имевший собственный опыт чиновника и связи в этой среде, Калашников одобрительно отмечал, что Сперанский понял неизбежность и невозможность ликвидации злоупотребления чиновников. Он, «по христианской мудрости своей, соединяя строгость с пощадою, придумал способ наказания хотя весьма действительный, но не губительный». Следственные комиссии не карали за взятки, а рекомендовали пострадавшим предъявлять гражданские иски обидчикам [5, с. 320]. С. Ф. Шелковников, передавая мнение чиновников – отца и отцовских друзей, так оценивает «доблестного начальника», который, «карая зло, в то же время с отеческою заботливостию пекся не токмо о вещественных нуждах исправных чиновников, и о их моральном житье-бытье» [4, с. 584].

Стогов подчеркивал пристальное внимание к Сперанскому: «Рассказов по городу ходило множество о Сперанском; каждое его слово, кажется, каждое движение замечалось и повторялось в публике... Иркутск знал, что Сперанский сказал, где он был – малейшие подробности не ускользали от общества, но не было ни одного слова о том, что делал в кабинете и делал ли что-нибудь» [11, с. 81]. В результате в народе ходили слухи, порой совершенно нелепые, например, зафиксированные в «мемориях» Баснина, что «Сперанский прощен наполовину и править он будет четыре дня в году, а три будет ходить в кандалах». С этими вымыслами соседствовали совершенно противоположные: «что Сперанский ходит переодетым по городу и проверяет начальство, и что “многое тайное открыл и многих в железа заковал”» [1, с. 162]. Они отражали некоторые составляющие того образа Сперанского, который бытовал среди населения.

Многих интересовало, насколько хорошо знал генерал-губернатор регион и как к нему относился. Стогов зафиксировал такое мнение: «О Сперанском в Сибири мало что было слышно, он как будто ничего не делал», но вечером, «при огне принимался за бумаги, и, кажется, это было временем усиленной работы» [11, с. 79–80]. Посельский с удивлением рассуждал: «Не знаю, откуда он набрался сведений о Сибири. Он никогда и ни с кем не разговаривал. Вечно, и днем, и ночью, все писал. Всегда был задумчив, даже как будто печален. А знал он Сибирь отлично. Это видно из его законов. Конечно, в них есть недосмотры, ошибки; а все-таки какое знание быта, обычаев, народа». Но сам тут же отвечает – не прямо – на этот вопрос: «Часто бывал у него Александр Васильевич Игумнов... человек со сведениями. Да вот еще Словцов, – этот был уже друг ему. Бывало, до поздней ночи запрутся в кабинет и разговаривают» [4, с. 581].

Фигурирует в мемуарах и реформа Сперанского. Калашников утверждал, что в основе «Сибирского учреждения» была великая мысль «устранить самовластие, водворить законность, исправить суд, оградить безопасность каждого», развить торговлю, промышленность и земледелие, «словом, сделать Сибирь страной вполне счастливою» [5, с. 322–323]. Результаты описываются в еще более панегирических тонах. «Сперанский совершил истинное чудо, только одному гению доступное. Все обнял быстро и верно своим гениальным взглядом, всему дал жизнь и движение, везде положил твердые и верные начала» [5, с. 324]. Булатов подчеркивал: «Сперанский был либерал; он думал, что члены советов будут самостоятельны», и все же не отрицал роли этого органа: «Может быть, советы и устарели, но в свое время они принесли огромную пользу, идея их была хороша. Они именно ограничивали произвол губернаторов» [4, с. 571]. В целом результаты реформы оцениваются им высоко. «Законы Сперанского имели влияние на Сибирь в том отношении, что ограничивали деспотизм. В старину царствовал совершенный произвол, со времен Сперанского этого уже не было. Он внес новый дух в управление... Бывали, конечно, злоупотребления, но уже не было того духа, который порождает и оправдывает всякие злоупотребления» [4, с. 571].

Ряд современников характеризует и самого генерал-губернатора, и его деятельность в противоположном духе: «Сперанский только и сделал особенного, что сменил Трескина. Он был в Иркутске очень недолго и правление его ничем не замечательно. Была только запутанность и неразборчивость; просьб принималось много – и ничего по ним не делалось... Он не был администратор. Он был только умный человек на бумаге» [4, с. 581, 582 (рассказ П. М. Герасимова)]; «Законы его никакого особенного впечатления не сделали и пользы большой Сибири не принесли. Трескин все-таки хозяин был, административный человек» [4, с. 569 (рассказ П. О. Катышевцева)]; «Да и управлял он ничего, скромно... не успел, не зажился, а после него все пошло по-старому. Вот земскую полицию он распустил... Уже после Лавинский привел в порядок... Законы Сперанского – Сибирское учреждение – приняты были ничего, спокойно. Особенных толков о них не было» [4, с. 579 (рассказ В. В. Курбатова)]; вскоре после него «опять все пошло по-старому. Да вдруг

всего не исправишь. Да и был-то он здесь что-то недолго» [4, с. 567 (рассказ Н. А. Сердюкова)].

Довольно точно представляет ситуацию купец А. А. Литвинцев: «Всякая лягушка свое болото хвалит. Были люди – любили Сперанского, хвалили и законы его, даже когда они писались еще здесь; другие не терпели его, ну и законы не нравились» [4, с. 575].

Более внятно и с пониманием смысла и масштаба реформы Сперанского пишет о ее результатах Стогов: «Михаил Михайлович трудился не над исправлением прошедшего зла, чего и невозможно было исправить, была бы бесплодная работа; он трудился над устранением зла в будущем и работал – пересоздать управление Сибири». И тут приведена интереснейшая деталь: «Раз я случайно слышал, как говорили люди, имеющие возможность знать многое, что Сперанский сначала хотел сделать из Сибири Финляндию, но получил совет – не начинать» [11, с. 94]. Стогов, познакомившийся со Сперанским в 1819 г., видел «переделанную Сибирь» через 12 лет. «Плоды труда Сперанского были осязательны: власти были ограничены... Но как все дела человеческие несовершенны, так и последствия благонамеренного труда умного человека оказались односторонними. Злоупотребления властей действительно уменьшились; не слыхать было жалоб от богатого купечества и вообще классы имущие были довольны, но зато обессиленная власть не имела силы сдерживать народ, впадала в апатию». Нравственность народа пала, увеличилось число и частота преступлений, обеднели деревни [11, с. 94].

Заключение

Большая часть мемуаристов оценивали Сперанского в самых хвалебных тонах. Для П. Т. Баснина это «кроткий, гуманнейший, гениальный почти человек... чье имя произносится по всей Сибири с благословением и служит символом добра, чести, правды и освобождения от невыносимого гнета и ига воров, разбойников и убийц» [1, с. 593]. И. Т. Калашников обрисовал такой генерализованный образ при описании отъезда Сперанского: «Великий человек... сопровождаемый благословениями, сожалением, слезами и даже страхом возвращения опять прежнего ужасного времени, выехал из Иркутска», «народ не хотел осознать своего сиротства» [5, с. 325, 326]. С. Ф. Шелковников противопоставлял его другим «правителям Сибири», которые были «большею частию деспоты и люди неприступные» [4, с. 584–585]. Оценивавшие Сперанского критически мемуаристы отмечали отсутствие у него ряда необходимых качеств и таким образом фиксировали черты своего идеала: администратор, хозяин, умеющий наводить порядок, знающий Сибирь и долго возглавляющий регион. Конструируемый мемуаристами образ Сперанского фактически являлся образом идеального правителя, хотя и включал конкретные черты реального человека.

Список литературы

1. *Баснин П. Т.* Воспоминания о Сперанском [в пересказе П. П. Баснина] // Исторический вестник. 1903. Т. 91, № 1. С. 152–173.

2. Дамешек Л. М., Дамешек И. Л., Перцева Т. А. Сибирские реформы М. М. Сперанского 1822 г.: опыт административного регулирования интересов центра и региона. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. 339 с.
3. Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма (компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.). Иркутск : Отгиск, 2002. 208 с.
4. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год / собр. В. Вагиным. СПб. : [Типография Второго отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии], 1872. Т. 1. 801+11 с. Приложения ко второй главе. С. 565–609.
5. Калашников И. Т. Записки иркутского жителя // Записки иркутских жителей. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1990. С. 256–396.
6. М. М. Сперанский: сибирский вариант имперского регионализма (к 180-летию сибирских реформ М. М. Сперанского) / Иркут. гос. ун-т, Иркут. межрегион. ин-т обществ. наук [Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек, Т. А. Перцева, А. В. Ремнев]. Иркутск : Отгиск, 2003. 263 с.
7. Очерки историографии Сибири эпохи империи (XVIII – начало XX в.) / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек, В. П. Шахеров, А. С. Маджаров, Т. А. Перцева. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. С. 184–209. (Авт. раздела Л. М. Дамешек).
8. Ремнев А. В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX века. Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. 577 с.
9. Родигина Н. Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2006. 343 с.
10. Родигина Н. Н. Образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX века : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Омск, 2006. 38 с.
11. Стогов Э. И. Записки жандармского штаб-офицера эпохи Николая I / изд. подгот. Е. А. Мухиной. М. : Индрик, 2003. 240 с.
12. Чеканцева З. А. Эпистемология исторического образа на рубеже XX–XXI вв. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2013. Т. 4. Вып. 2 (18). С. 8.
13. Черных В. А. Эразм Стогов и его «Записки» // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск : Наука, 1990. С. 331–336. (Археография и источниковедение Сибири ; вып. 14).

References

1. Basnin P.T. Vospominaniya o Speranskom [v pereskaze P.P. Basnina] [Memories of Speransky [Retelling by P.P. Basnin]. *Istorichesky vestnik* [Historical bulletin], 1903, vol. 91, no. 1, pp. 152-173. (in Russian)
2. Dameshek L.M., Dameshek I.L., Pertseva T.A. *Sibirskie reformy M.M. Speranskogo 1822 g.: opyt administrativnogo regulirovaniya interesov tsentra i regiona* [Siberian Reforms of M.M. Speransky in 1822: Experience of Administrative Regulation of the Interests of the Political Center and Region] Irkutsk, Publishing House of ISU, 2017, 339 p. (in Russian)
3. Dameshek I.L. *Sibir v sisteme imperskogo regionalizma (komparativnoe issledovanie okrainnoi politiki Rossii v pervoi polovine XIX v.)* [Siberia in the System of Imperial Regionalism (Comparative Study of Russian Regional Policy in the First Half of the 19th Century)]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2002, 208 p. (in Russian)
4. *Istoricheskie svedeniya o deyatelnosti grafa M.M. Speranskogo v Sibiri s 1819 po 1822 god* [Historical Information about the Activities of Count M.M. Speransky in Siberia from 1819 to 1822] / coll. V. Vagin. Saint Petersburg, [Printing House of the Second Department of the His Imperial Majesty's Own Chancellery], 1872, vol. 1, 801+11 p. Appendices to the Second Chapter. pp. 565–609. (in Russian)
5. Kalashnikov I.T. *Zapiski irkutskogo zhitelya* [Notes of Irkutsk Resident]. Irkutsk, East Siberian Book Publishing House, 1990, pp. 256-396. (in Russian)
6. *M.M. Speranskii: sibirskii variant imperskogo regionalizma (k 180-letiyu sibirskikh reform M. M. Speranskogo)* [M.M. Speransky: The Siberian Version of Imperial Regionalism (Marking the 180th Anniversary of the Siberian Reforms of M. M. Speransky)]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2003, 263 p. (in Russian)

7. *Ocherki istoriografii Sibiri epokhi imperii (XVIII – nachalo XX v.)* [Essays on the Historiography of Siberia in the Imperial Period (18th – early 20th Century)]. Irkutsk, Publishing House of ISU, 2017, pp. 184–209. (Chapter by L.M. Dameshek). (in Russian)
8. Remnev A. V. *Sibir' v imperskoi geografii vlasti XIX – nachala XX vekov* [Siberia within the Imperial Geography of Power of the 19th – early 20th Centuries]. Omsk, Omsk State University Publ., 2015, 580 p. (in Russian)
9. Rodigina N.N. *“Drugaiia Rossiia”: obraz Sibiri v russkoi zhurnalnoi presse vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka* [“Another Russia”: The image of Siberia in the Russian journal press of the second part of the 19th – beginning of the 20th centuries]. Novosibirsk, NGPU Publ., 2006, 374 p. (in Russian)
10. Rodigina N.N. *Obraz Sibiri v russkoi zhurnalnoi presse vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka* [The image of Siberia in the Russian journal press of the second part of the 19th – beginning of the 20th centuries]. Abstr. Dis. Sci. Omsk, OmGPU Publ., 2006. (in Russian)
11. Stogov E.I. *Zapiski zhandarmskogo shtab-ofitsera epokhi Nikolaya I* [Notes of the Gendarmerie Headquarters Officer during the reign of Nicholas I]. Ed. by E.A. Mukhinoi. Moscow, Indrik Publ., 2003, 240 p. (in Russian)
12. Chekantseva Z. Epistemologiya istoricheskogo obraza na rubeje XX–XXI vv. [Epistemology of the historical image at the turn of the 20–21 centuries.]. *Journal of Education and Science “Istoria”* [History], 2013, vol. 4, iss. 2 (18), p. 8. (in Russian)
13. Chernykh V. A. Erazm Stogov i ego “Zapiski” [Erasmus Stogov and His “Notes”]. *Obshchestvennoe soznanie, knizhnost, literatura perioda feodalizma* [Public Consciousness, Bookishness, Literature of the Period of Feudalism]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1990, pp. 331–336. (Series Archeography and Source Studies of Siberia, iss. 14). (in Russian)

Сведения об авторе

Матханова Наталья Петровна
 доктор исторических наук, профессор
 главный научный сотрудник
 Институт истории СО РАН
 Россия, 630090, г. Новосибирск,
 ул. Николаева, 8
 e-mail: istochnik_history@mail.ru

Information about the author

Matkhanova Natalia Petrovna
 Doctor of Sciences (History), Professor
 Senior Research Associate
 Institute of History SB RAS
 8, Nikolayev st., Novosibirsk, 630090,
 Russian Federation
 e-mail: istochnik_history@mail.ru